С.С. МИХАЙЛОВ

СТАРООБРЯДЦЫ-СПАСОВЦЫ ГУСЛИЦ И ЕГОРЬЕВСКОГО УЕЗДА

Одним из почти не исследованных вопросов в истории старообрядчества Западной Мещёры (восток Подмосковья) является проблема определения его изначального конфессионального состава. К концу XIX–началу XX вв. в Гуслицах, Гжели, Вохне, а также в сопредельных местностях Бронницкого, Коломенского уездов Московской губ., г. Егорьевске и Егорьевском уезде Рязанской губ. господствовало поповское белокриницкое согласие. Однако и в этот период здесь сохранялись небольшие группы беспоповского населения, принадлежавшего к федосеевскому, филипповскому, поморскому и Спасову согласиям. Про этих беспоповцев известно крайне мало, их история только начинает изучаться. Тем не менее их прошлое в крае – ранняя история всего местного старообрядчества. Мы склонны полагать, что первоначально поповцы если и были представлены в крае, то только в незначительном количестве от общего числа старообрядцев. Укрепление и распространение поповщины началось со второй половины XVIII в., когда в соседней Москве оформился такой важнейший центр, как Рогожское кладбище, а в Гуслицах появились поповские мужские и женские обители, такие как обители отца Леонтия, отца Иосифа, матери Евпраксии («Праксенна Грива») и др. (1). Возможно, старейший очаг гуслицкой поповщины располагался возле древнего центра волости – с. Гуслицы (Ильинский погост). Он мог появиться ещё во времена владельцев края Меншикова и Лопухиных, которые на определённом этапе покровительственно относились к старообрядчеству. Разумеется, представителям русской аристократии были более близки поповцы, которые сформировались на базе кружка ревнителей благочестия, нежели вышедшая из низов монашества беспоповщина. Именно понятных для себя идеологически поповцев поначалу Меншиков, а потом и Лопухины и могли укрывать рядом с центром своей волости Гуслица. В XIX в., в период становления и роста местной промышленности, оказавшейся в руках адептов Рогожского кладбища, последние, при помощи прежде всего экономических рычагов, обратили в свою веру большинство представителей местной беспоповщины.

Спасово согласие в Гуслицах, г. Егорьевске и окрестностях, а также в ряде других соседних старообрядческих местностях, является одной из загадок в истории староверия Западной Мещёры. Его остатки здесь фиксировались ещё в начале XX в., но кроме редких упоминаний никаких сведений о них не публиковалось. Ныне даже невозможно выяснить, к какому именно направлению «нетовщины» принадлежали обитатели Гуслиц, Егорьевска и сопредельных территорий. Спасовцы обычно вели себя очень тихо относительно официальной церкви, поэтому на них местное господствующее духовенство и власти старались не обращать внимания и не фиксировали в отчётах. Тем более, что всё внимание духовных и светских властей было переключено на куда более многочисленных и активных сторонников Рогожского кладбища, которые были уж очень заметны в крае. Также спасовцы часто не порывали окончательно с храмами официальной церкви, куда обращались для выполнения некоторых треб. Понятно, что такие «раскольники» были весьма удобны для приходского духовенства, которое особо на них не доносило своему начальству.

Судя по сохранившимся отрывочным упоминаниям, ранее спасовцы проживали огромным анклавом, в который входили местности северо-востока Егорьевского уезда Рязанской губ., Коломенского и Бронницкого Московской, а также и Гуслицы. Судя по существованию ещё в начале XX в. остатков обществ спасовцев в Покровском уезде Владимирской губ. (2), этот массив мог переходить в спасовские уголки владимирского края, где в том же начале XX в. представители этого согласия являли собой половину старообрядчества всей губернии. В этот период из 39299 всех владимирских старообрядцев 20556 принадлежали к спасовцам (3). Следует полагать, что спасовцы Западной Мещёры принадлежали к тем же толкам, что и их владимирские одноверцы. К началу 1910-х годов, согласно официальным сведениям, владимирские спасовцы принадлежали к малому и большому началам, особенно к первому (4). Скорее всего, к малому началу в это время принадлежали и гуслицкие, и егорьевские спасовцы.

Под Москвой спасовцы впервые были обнаружены в первой четверти XVIII в. (5). Скорее всего, тогда же их общества могли существовать на территории Гуслицкой волости и в соседних местностях. Мы считаем, что изначально представители этого согласия могли доминировать в Западной Мещёре наряду с поморцами, важным центром которых была зна-

менитая «Патриаршина» (с 1778 г. – в составе Покровского уезда Владимирской губ.). Остатки поморского населения ещё в начале XX в. фиксировались миссионерами в ряде уголков Гуслиц и Егорьевского уезда. Самые южные группы их имелись в Гуслицком Раменье (Дорховская волость) и некоторых соседних егорьевских селениях (Зворково и др.) (6). Возможно, что через Гуслицкую волость, южнее Раменья, до развития местной поповщины проходила условная граница ареалов распространения поморцев и спасовцев. Скорее всего, именно спасовцы проживали изначально и в юго-западном углу Егорьевского уезда, где находился один из основных анклавов местного староверия, в официальных Маливском и Макшеевском приходах. В 1899 г. в рязанском журнале «Миссионерский сборник» была опубликована статья священника господствующей церкви М. Рябцева «Раскол в Макшеевском приходе». Здесь автор пишет, что «для определения толка, к которому принадлежали макшеевские раскольники вначале, данных нет». В начале XIX в. здесь распространилось беглопоповское лужковское согласие. Местных старообрядцев в это время окормляли «чёлоховские беглые попы» из Гуслиц. Под влиянием этих попов в 1860-х годах здесь распространилось рогожское «австрийское» согласие, вытеснившее со временем и остатки лужковцев, и, возможно, остатки более старого согласия (или согласий – ?) (7). Судя по всему, до лужковцев (по-гуслицки и по-егорьевски – лужкан) и в Макшеевских селениях, и в других уголках этой части Егорьевского уезда, близкой территориально к Коломне, проживали именно спасовцы.

И ещё немного про Чёлохово и Чёлоховский старообрядческий приход. Последний окормлял большую территорию, в которую входили и несколько селений Гуслиц (Чёлохово, Панкратовская, Горшково, Мосягино, Пищёво), и селения Егорьевского, Бронницкого и Коломенского уездов. Возможно, что ранее этот приход окормлял и старообрядцев с. Высокого, ставшего в 1778 г. г. Егорьевском. Если другие старообрядческие приходы Гуслиц в основном сформировались под влиянием соседних монастырей, то Чёлоховский образовался под влиянием существовавшего рядом с деревней Никитского Гвозднинского погоста. Здесь находилась явленная икона Никиты Мученика, почитавшаяся всем окрестным населением. Судя по всему, причт этого храма находился в более чем мирных отношениях со старообрядцами, позволяя им пользоваться древней святыней. Если ранний Чёлоховский приход имел спасовское исповедание, то делать это было весьма просто. К началу 1790-х годов, когда рядом возник г. Егорьевск, слухи о таком почитании стали доходить до епархиального и светского начальства. В результате древний погост был упразднён, а храм в 1792 г. разобран и перевезён на новоустроенное егорьевское городское кладбище (8).

Любопытно, но общественные старообрядческие моленные в Чёлохово и соседних деревнях стали появляться только после перевозки храма.

Прекрасный знаток егорьевского старообрядчества, его согласий священник-миссионер Н. Виноградов относительно самого Егорьевска был уверен, что «раскольники» появились в городе только в 1850-х годах и даже называл имя первого обосновавшегося в нём старообрядца – гусляка Лариона Карпова (9). Но у Виноградова речь идёт исключительно о представителях белокриницкого согласия. Они-то и пришли на городские фабрики преимущественно из Гуслиц. Но до них в Егорьевске жили другие староверы. Чиновник А. Стороженко, в 1860-х годах побывавший в Гуслицах, встретил там шедшего из Егорьевска в Москву беспоповского начётчика А. Абрамова (10). Но к какому именно беспоповскому согласию тот относился, Стороженко, опять же, поведать нам забывает. Нам остаётся также предполагать, что он мог быть спасовцем.

О прежнем значительном количестве спасовского населения, которое проживало ранее на территории нескольких уездов, говорит и следующий факт. В 1913 г., в некрологе известного фабриканта Никиты Тимофеевича Кацепова (1865–1913), владевшего товариществом мануфактур «Тимофея Кацепова сыновей», имевшего фабрики в Бронницком уезде, вблизи границ Гуслиц и Егорьевска, было написано следующее. Он происходил из «весьма старинной» семьи беспоповцев-нетовцев из д. Федотово Коломенского уезда. Его дед – Василий Никитич Кацепов – основатель семейной торговой фирмы, был столпом нетовщины в крае. Но отец Никиты Тимофеевича вместе с двумя братьями, благодаря бракам с девицами из белокриницких купеческих семейств приняли поповщину и вскоре стали ревностными её покровителями (11). Видимо, благодаря им, а также и им подобным, к началу XX в. в юго-восточной части Бронницкого и северо-восточной Коломенского уездов уже не было ни одного нетовца (спасовца). На базе спасовцев в крае развивалось не только белокриницкое, но и некоторые другие согласия, к примеру, федосеевское и филипповское, которых здесь до начала XIX в. не было. В Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) мною обнаружено несколько дел, посвящённых появлению «секты перекрещенников» «по Преображенскому кладбищу» в ряде селений Егорьев-

ского уезда, в тех местах, где до XX в. существовали группы федосеевцев и филипповцев. Но в описываемые авторами архивных документов годы разделения на эти два согласия на территории егорьевского края не произошло и все «перекрещенники» были ориентированы на московское Преображенское кладбище. К филипповцам беспоповцы Бурцево, Овчагино и ряда других селений перешли несколько позже. Согласие это (именуемые в документах «перекрещенники») пришло в егорьевские деревни из Коломны и д. Климово Бронницкого уезда. Самые первые местные «перекрещенцы» приняли веру после 1812 г. (12).

В Государственном архиве Рязанской области сохранилась ведомость о старообрядцах «разных сект» по Егорьевскому уезду за 1844 г. Здесь фигурируют целых 3 беспоповских согласия, распространение которых мы приводим вам полностью.

«Раскольников, неприемлющих священства, поклоняющихся иконам»

д. Зарудня	8 муж.	17 жен.
д. Подосинки	2	2
д. Поповка	16	13
д. Белавино	–	1
д. Тимшино	–	4
д. Федуловская	1	–
д. Ефремовская	1	–
д. Алешино	6	8
д. Овчагино	4	7
д. Титовская	1	–
д. Митинская	2	3
д. Губино	1	–
д. Перхурово	–	1

Всего: 98 человек (42 муж. и 56 жен.) (13).

«Безпоповщинской секты»

д. Поповка	38 муж.	24 жен.
д. Федуловская	1	–
д. Ефремовская	1	–
д. Алешино	6	9
д. Овчагино	4	7
д. Титовская	1	–
д. Митинская	2	3
д. Губино	1	–
д. Перхурово	–	1

Всего: 98 человек (54 муж. и 44 жен.) (14).

«Раскольников Перекрещенской секты»

д. Поповка	23 муж.	20 жен.
д. Зворково	2	1
д. Овчагино	4	7
д. Титовская	1	–
д. Митинская	2	3

Всего: 63 человека (32 муж. и 31 жен.) (15).

В последнем случае, судя по другим архивным делам, речь идёт о старообрядцах федосеевского и филипповского согласий. Но в двух первых случаях идентифицировать согласие сложно, поскольку в перечисленных деревнях по другим источникам известны и спасовцы, и федосеевцы, и филипповцы. Возможно, чиновник, составлявший эту ведомость, действовал «по верхам» и особо не утруждал себя точностью.

Согласно официальным сведениям Рязанской духовной консистории за 1881 г., в Егорьевском уезде спасовцы, названные своим «конфессиональным» именем, проживали в деревнях Федуловская, Кудиновская, Исаевская, Ефремовская, Пантелеево. Во всех указанных населённых пунктах они составляли незначительное меньшинство среди поповцев. В ведомости спасовцы перечислены поимённо, что и мы намерены представить вам.

Федуловская (16).

1. девица Евдокия Павлова	43 лет
2. Ирина	42 лет
3. девица Феодосия Васильева	69 лет
дети Степановы:	
4. Васса	47 лет
5. Евдокия	45 лет
6. Пётр	44 лет
7. жена его Мария Васильева	44 лет
дети их:	
8. Марфа	19 лет
9. Гликерия	6 лет
10. Агриппина	3 лет
11. Степан Симонов	40 лет
12. жена его Татьяна Герасимова	40 лет
дети их:	
13. Александра	19 лет
14. Пелагея	17 лет
15. Лука	15 лет
16. Трофим	12 лет
17. Ксения	9 лет
18. Гликерия	7 лет
19. Степанида	2 лет
20. Ирина	6 лет
21. Николай Степанов	38 лет
22. жена его Ксения Самуилова	37 лет
23. дочь их Наталия	12 лет
Марфа	3 лет
24. Пимен Ефремов, вдов	54 лет

Кудиновская (17).

1. Родион Андреев	67 лет
2. жена его Александра Егорова	67 лет
3. сын их Кондратий	44 лет
4. жена его Зинаида Иванова	40 лет
дети их:	
5. Феодосия	16 лет
6. Анна	14 лет
7. Кирилл Иродианов	40 лет
8. жена его Анна Макарова	34 лет

дети их:
9. Михаил 12 лет
10. Иоанн 9 лет
11. Матрона 8 лет
12. Павел 5 лет
13. Афанасий 3 лет
14. Егор 2 года
15. Степан Иродианов 48 лет
16. жена его Ирина Петрова 33 года
17. дочь их Евфимия 12 лет
18. вдова Мария Сафронова 60 лет
19. сын её Иван Алексеев 34 лет
20. жена его Наталия Никитина 32 лет

Исаевская (18).
1. Козма Семёнов, вдов 77 лет
дети его:
2. девица Анна 48 лет
3. Николай 38 лет
4. жена его Агриппина Иванова 33 лет
5. сын их Михаил 6 лет

Ефремовская (19).
1. Алексей Федулов 56 лет
2. жена его 2-я Екатерина Мамонова 43 лет
дети их:
3. Александр 20 лет
4. Екатерина 18 лет
5. Мария 17 лет
6. Домника 15 лет
7. Акулина 11 лет
8. Марфа 10 лет
9. Евфимия 8 лет
10. Марфа 4 лет
11. Дария 3 лет
12. Мария 1 года
13. Василий Максимов 60 лет
14. жена его Евфимия Феоктистова 63 лет
дети их:
15. Пелагия 39 лет
16. Аким 37 лет
17. вдова Евдокия Антонова 76 лет
дети ее:
18. Ларионова Феврония 47 лет
19. Мокий 43 лет
20. Григорий Иванов 36 лет
21. жена его Параскева Васильева 35 лет
22. сын их Николай 10 лет

Пантелеево (20).
1. Василий Гаврилов 53 лет
2. жена его Анна Яковлева 54 лет
дети их:
3. Ирина 33 лет
4. Татьяна 25 лет

Всего – 76 человек. Наверное, самый большой процент спасовцев проживал в Исаевской, где помимо 5 указанных лиц проживало всего 19 поповцев.

В аналогичной ведомости за 1888 г., помимо вышеупомянутых населённых пунктов, 9 не идентифицированных беспоповцев показаны в самом Егорьевске:
1. Василий Перфирьев Земсков 59 лет
2. его жена Евдокия Иванова 59 лет
их дети:
3. Григорий 25 лет
4. Афанасий 34 лет
5. его жена Матрёна Фёдорова 33 лет
6. Василиса Ефимова 54 лет.

Также здесь записаны ещё 3 имени, которые написаны мелким и неразборчивым почерком (21). В той же ведомости в Егорьевске отдельно упомянуты вдовый Иван Родионов, 68 лет, а также его сын Григорий, 41 года (22). О них мы точно знаем, что они являются филипповцами. В апреле 1886 г. в газете «Московский листок», в одной из посвящённых Егорьевску заметок, анонимный автор упомянул, что Иван Родионов, прежний настоятель филипповского «Братского двора» в Москве, прибыл незадолго до этого в город на жительство, «на покой» (23). Следовательно, Земсковы и др., являются представителями какого-то другого беспоповского согласия, а не одноверцами Ивана Родионова. Скорее всего, они – спасовцы. Другие согласия, как-то: брачные поморцы, федосеевцы – также могли быть представлены в городе, поскольку имелись в его уезде, но только спасовцы, как мы видели выше, проживали вокруг Егорьевска и однозначно исстари проживали в нём самом.

Среди названных выше спасовцев из егорьевских деревень мы встречаем немало лиц, которые невзирая на возраст, не состояли в браке. Скорее всего, сделать это могло помешать отсутствие потенциальных брачных партнёров своего вероисповедания, в силу малочисленности групп. Возможно, до этого немало представителей местного спасовского мира, дабы создать семьи и в дальнейшем упростить свою жизнь, переходили в белокриницкое согласие. Последнее и выросло в рассматриваемом регионе за счёт других старообрядческих течений.

По словам уроженца д. Исаевская Владимира Ивановича Смирнова, ещё в 1930-х годах в этом населённом пункте из 31 двора только 5 были старообрядческими. Но о том, чтобы жители последних делились на какие-то конфессиональные группы, он сказать не смог ничего. Скорее всего, здесь в XX в. проживали уже одни поповцы-белокринишники.

Согласно отчёту о состоянии миссионерского антистарообрядческого Братства св. Василия Рязанского за 1886 г., в г. Егорьевске, помимо 2630 поповцев «австрийского священства», проживал и 71 представитель Спасова согласия (29 мужчин и 42 женщины) (24).

Однако здесь речь идёт явно не только о городе, а обо всём большом соборном приходе в целом. В самом г. Егорьевске в этот период проживало не так много старообрядцев, численность которых здесь резко возросла только к началу XX в. Чуть ранее, в 1868 г., в «Памятной книжке Рязанской губернии» показано, что в самом городе проживало 490 старообрядцев, плюс ещё 3022 человека жило в уезде (25). В «Миссионерском сборнике» за 1894 г. в опубликованных сведениях о старообрядцах по Егорьевскому уезду говорится, что в уезде проживали поповцы (окружники) и беспоповцы (спасовцы). Относительно последних указано, что они проживали в соборном приходе (6 муж. и 4 жен.), приходе с. Маливо (71 муж., 74 жен.), с. Ивановское (4 муж., 2 жен.) и с. Алешня (иначе: Алёшино – 29 муж., 41 жен.) (26). Последний приход только в конце 1880-х годов выделился из соборного и включил в себя такие «спасовские» селения, как Кудиновская и Федуловская. В приходе с. Маливо в рассматриваемый период жили только федосеевцы и филипповцы. Авторы отчёта записали в «спасовцы» всех известных им уездных беспоповцев. Десять спасовцев, которые показаны в соборном приходе, также могли быть «обнаруженными» миссионерами не в городе, а в деревнях. Скорее всего, значительная часть спасовцев, упомянутых в 1886 г., проживала не в самом Егорьевске, а в селениях в окрестностях города. «Географию» их расселения мы представили выше. Егорьевское же спасовское общество, равно как и другие беспоповские в этом городе, было надёжно прикрыто активной белокриницкой общиной, которая отвлекала всё внимание властей.

Далее мы встречаем разрозненные упоминания о беспоповцах г. Егорьевска и Егорьевского уезда в разных источниках. В большинстве случаев эти беспоповцы не идентифицированы, поэтому сказать, были ли они спасовцами, или же представителями филипповского, поморского или федосеевского согласия, невозможно. В 1887 г., из «раскола беспоповщинской секты» перешёл рядовой из егорьевских мещан Галактион Степанов Степанов (27). Однако вместе с ним упоминаются перешедшие также ещё несколько человек беспоповцев, крестьянская дочь из д. Ново-Ворова и крестьянин из д. Поповки. В последних 2 селениях Егорьевского уезда в означенное время проживали федосеевцы, к которым мог относиться и Степанов. Но все эти лица переходили в официальную веру самостоятельно, независимо друг от друга. Просто совпало время их «перехода», и они попали в один епархиальный отчёт.

В 1893 г. протоиереем Лазаревской церкви г. Рязани П. Павловым, была присоединена к официальному православию «раскольница беспоповщинской секты», егорьевская мещанка Екатерина Яковлева Макарова (28). Однако из какого именно согласия она происходила, «Рязанские епархиальные ведомости», где была опубликована данная информация, умалчивают. Возможно, что Макарова происходила из егорьевской городской общины спасовцев.

Относительно упоминаний в источниках о спасовцах, да и вообще беспоповцах селений соседних с Егорьевском Гуслиц, информации ещё меньше. В небольшой книге И.И. Ордынского «Раскол и благотворительность в Гуслице», вышедшей в 1863 г., при перечислении основных старообрядческих «толков» края, помимо рогожан и лужкан, упомянуты «человек 100 беспоповщины или по Преображенскому кладбищу» (29). Но при обычных познаниях о тонкостях старообрядчества, которые имелись у авторов типа Ордынского, считать, что в Гуслицах жила лишь сотня федосеевцев, было бы ошибочно. Возможно, что все беспоповцы, о которых Ордынскому удалось узнать, были записаны им «по Преображенскому кладбищу» (по аналогии с поповским Рогожским), но не исключено, что этот автор смог узнать что-либо только о немногочисленных гуслицких последователях «Преображенки», которых как раз-то и было порядка сотни человек.

В записке о поездке в Гуслицы егорьевского миссионера священника Н. Виноградова, которая состоялась летом 1875 г., упоминается о беседе в д. Давыдовская, в доме крестьянина М.П. Оброкова. На этой беседе присутствовало много старообрядцев из соседних деревень Столбуново, Максимовская, Вантино. Среди них было много неокружников, лужкан и спасовцев (30). Представители двух первых упомянутых согласий проживали в этих деревнях и в XX в. По рассказам старожилов, здесь известны и филипповцы, которых в Давыдовской и Максимовской именовали «Титковой верой». Но о спасовцах в этом уголке в XX в. ничего не известно. Миссионер о. Н. Виноградов довольно долго служил в крае и от большинства своих коллег, боровшихся с «расколом» очень хорошо знал вверенную ему территорию. Из его отчётов мы знаем и о группах гуслицких и егорьевских поморцев, об их моленных, наставниках и пр. Не доверять этому весьма дотошному автору у нас нет никаких оснований. Таким образом, в этом уголке юга Гуслиц, включающем несколько селений и соседствующим с Бронницким уездом, ещё в 1870-х годах жило спасовское население. Впоследствии местные спасовцы, скорее всего, присоединились к другим согласиям. Можно даже

здесь предположить, что не упомянутые Виноградовым филипповцы, о которых нам известно по рассказам старожилов, в Вантино и соседних деревнях возникли из остатков спасовских обществ. Слабеющее согласие потеряло часть своих членов, перешедших к другим беспоповцам, которые в XIX в., невзирая на своё малое число, в Егорьевске и окрестностях были довольно активными.

В 1877 г. священником соборного прихода г. Егорьевска Иоанном Покровским была присоединена к официальному православию из «беспоповщинской секты» крестьянка д. Зевнево Агриппина Петрова (31). Согласие, из которого уходила эта Петрова, не указано. К началу XX в. в большой старообрядческой д. Зевнево проживали общества белокриницких старообрядцев (окружников) и беглопоповцев-лужкан. Никаких беспоповцев старожилы деревни не знают. Возможно, что «беглопоповщинскую секту» здесь перепутали с «беспоповщинской». Однако гуслицкое Зевнево истари тесно связано с ближайшим егорьевским селением Ефремовская. Обе деревни имеют общую историю, и нынешнее Зевнево, на определённом историческом этапе выделилось из Ефремовской, которая изначально называлась «Зевнево». Очень часто возникали и брачные связи между жителями обоих населённых пунктов. А в Ефремовской, как мы видели выше, в 1881 г. жили спасовцы. Они же до какого-то периода могли жить и в Зевнево, и Петрова могла быть одной из последних их представительниц. В дальнейшем, как это происходило и в других местах рассматриваемого региона, спасовцы постепенно перешли к белокринишникам и лужковцам, но для миссионеров и прочих авторов этот процесс прошёл незамеченным. О Петровой стало известно лишь потому, что она перешла в господствующую веру, что обязательно фиксировалось документально.

После объявления вероисповедных свобод в 1905 г., старообрядцы-спасовцы Егорьевского уезда, Гуслиц и других местностей Западной Мещёры не зарегистрировали ни одной общины, не построили с ведома властей ни одной моленной. Они вообще никак себя не проявили в плане попыток легализации. Видимо, их группы продолжали прежнюю, скрытую от внешних глаз, жизнь.

О последнем периоде истории спасовцев рассматриваемых регионов мы можем поведать лишь следующее. В XX в. они были известны под Егорьевском и в соседних Гуслицах под именем «мокеевцев». Существовало ли это название в более ранние периоды, или же возникло только к началу XX в., мы ничего сказать не можем. Кто такой был Мокий (или Мокеев – ?) также выяснить вряд ли удастся. Скорее всего, это один из последних лидеров данного согласия позднейшего времени.

По поводу возникновения мокеевцев существует и легенда, сообщающая об их явно не спасовском происхождении. Её мне в самом начале 2000-х годов рассказал настоятель единоверческого храма в г. Куровское о. Димитрий Кузнецов. Согласно этой версии, где-то в 1920-х годах в старообрядческом белокриницком обществе г. Егорьевска произошёл небольшой раскол. Вместе с группой своих единомышленников от рогожан ушёл некий Мокий, создавший своё, фактически беспоповское согласие. Среди тех, кого Мокий обратил уже после своего отделения, была и одна из ветвей семейства Звоновых из крупной гуслицкой д. Степановка. Мокеевцы в небольшом числе распространились по селениям юга Гуслиц и соседнего Егорьевского района, где они проживали маленькими группами.

Но в вышеприведённой версии стоит усомниться. Во-первых, кроме упомянутого современного священника, о белокриницком происхождении мокеевцев мне не рассказывал никто ни в Гуслицах, ни в старообрядческих селениях в окрестностях Егорьевска, где о них хорошо помнили. Во-вторых, все рассказы о мокеевцах, которые мне доводилось слышать и от их земляков-старожилов, и от потомков самих мокеевцев, говорили о них как о чисто беспоповском согласии, очень замкнутом и мало напоминающем белокринишников, от которых мокеевцы якобы произошли. Сами белокриницкие старообрядцы, даже прежние строгие неокружники, считали мокеевцев некоей замкнутой сектой, пусть даже и староверской. Вряд ли в 1920-х годах от рогожан, да ещё к тому же из достаточно развитой и «продвинутой» егорьевской общины, могла произойти группа, которая сразу же стала мало напоминать себя на исходном этапе. В-третьих, мокеевцы, по крайней мере в окрестностях Егорьевска, проживали в тех же селениях, где ранее известны спасовцы.

По рассказам старожилов, включая и потомков мокеевских семей, главный центр этого согласия находился в д. Бузяты под Егорьевском. Туда часто ходили старики на общую соборную молитву. Но большинство старообрядцев этой деревни всё же относилось к белокриницкому согласию. К тому же основным населением д. Бузяты были официальные православные. Сейчас уже никто не помнит здешних мокеевцев и из моленной, которая была небольшой комнатой в жилом доме. Для мокеевцев окрестностей гуслицкой Степановки существовала небольшая домашняя моленная в д. Богородское, куда по воскрес-

ным и праздничным дням ходили верующие старики.

Поскольку мокеевцы держались обособленно от остального гуслицкого и егорьевского старообрядческого мира, узнать о них что-либо можно с большим трудом. В селениях юга Гуслиц, в таких как Устьяново, Степановка, Абрамовка, мокеевцев часто путают с беглопоповцами-лужканами, также проживавшими здесь небольшими замкнутыми группами.

Последние активные мокеевцы во второй половине XX в. жили в тех же Кудиновской, Федуловской, Степановке, Устьяново. Молодые поколения из их семей постепенно переходили в белокриницкое согласие, которое имело в крае действующие храмы. Две пожилые мокеевки ещё в 1990-х годах жили в г. Куровское. В посёлке Новом, под Егорьевском, старик-старообрядец, родом из д. Кудиновской, сторонившийся белокриницкого храма и которого односельчане называли «мокеевцем», жил ещё в 2002 г. Но эти лица не были особо разговорчивыми на предмет веры даже с односельчанами, не говоря уж об откровениях с посторонними людьми, и узнать от них какие-либо подробности их вероучения и про историю их обществ было крайне сложно.

Возможно, в будущем в архивах будут обнаружены ещё какие-либо документы, касающиеся отдельных представителей и обществ Спасова согласия на территории Западной Мещёры, включая Гуслицы и егорьевский край, которые помогут выяснить и другие подробности их истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сироткин С.В. Материалы для истории гуслицких скитов в 70-е годы XVIII века // Гуслицкий сборник. Владимир, 2010. С.21–49.

2. Владимирские епархиальные ведомости. 1916. №4.

3. Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее и будущее. Ярославль, 2008. С.196.

4. Состояние старообрядчества во Владимирской епархии за 1910 год // Миссионерский сборник. (Рязань). 1911. №1. С.63.

5. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII–начале XIX в. Новосибирск, 2006. С.409.

6. См. например: Миссионерский сборник. 1901. №1. С.170–172; №4. С.363–367; Центральный исторический архив Москвы. Ф.54. Оп.177. Д.3141. Л.31об.

7. Рябцев М., свящ. Раскол в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник. 1899. №1. С.7–8.

8. Зенин Н. У «обители мира» // Старообрядческая мысль. 1915. №7. С.661.

9. Миссионерский сборник. 1901. №3. С.272–273.

10. Стороженко А. Из портфеля чиновника. Гуслица // Отечественные записки. Т.146. №1. (Январь). СПб., 1863. С.89.

11. Никита Тимофеевич Кацепов (некролог) // Старообрядческая мысль. 1913. №6–7. С.555–556.

12. Государственный архив Рязанской области. Ф.723. Оп.1. Д.770а. Л.1–162; Д.595а. Л.1–99; Д.512. Л.1–14.

13. Там же. Ф.5. Оп.4. Д.31. Л.33.

14. Там же. Л.34.

15. Там же. Л.35.

16. Там же. Ф.627. Оп.140 Д.27. Л.49–49об.

17. Там же. Л.50.

18. Там же. Л.50об.

19. Там же. Л.52об.

20. Там же. Л.55об.

21. Там же. Ф.627. Оп.147. Д.15. Л.45.

22. Там же. Л.35об.

23. Московский листок. 1886. №96. 6 апреля.

24. Рязанские епархиальные ведомости (далее – РЕВ). 1887. №17 (часть официальная). С.501.

25. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 г. Рязань, 1868. С.16–17.

26. Миссионерский сборник. 1894. №5. С.17–18.

27. РЕВ. 1887. №5 (часть официальная).

28. РЕВ. 1893. №7 (часть официальная).

29. Ордынский И. Раскол и благотворительность в Гуслице. СПб., 1863. С.5.

30. Виноградов Н., свящ. Записка о поездке в Гуслицы летом 1875 г. // Братское слово. 1876. Кн.3. С.168–169.

31. РЕВ. 1877. №13 (часть официальная).